

садились на коней – некоторые без шлемов, иные без налокотников. Некоторые снимали доспехи, прикрывавшие ноги, чтобы было легче сражаться. Сквайры и пажи вооружались новыми копьями, но в них ощущался такой недостаток, что оружие приходилось снимать с мертвецов. Лучники принялись извлекать стрелы из мертвых тел. К принцу подвели коня. Эдуард в это время беседовал с графами Варвиком и Солсбери, командирами двух основных отрядов английской армии. Вставив ногу в стремя, принц обернулся через плечо и еще раз посмотрел на приближавшихся французов. Блестевшие на солнце ряды, слепившие металлическими бликами, продолжали приближаться.

– Клянусь святым Павлом, они идут на нас. Ребята, готовьтесь! – прокричал Эдуард.

Он легко вскочил в седло и галопом поскакал к своему командному пункту – левее боевых порядков. У дерева его ждали придворные рыцари. Один из них держал шлем своего повелителя, другой подал ему латные рукавицы. Джон Чандос, не успевший сесть на коня, подал принцу его кривой с зазубринами меч.

– Он не слишком хорош, сэр, – усмехнулся Джон, – но я не сомневаюсь, что вы сумеете извлечь из него немалую пользу!

– Хэй, Джон, конечно, я не возражал бы и против нового меча, но думаю, что довольно будет и этого, не так ли? Если уж меч окажется совсем плох, то – что ж – я воспользуюсь старым добрым топором. Но теперь вперед, и поспеши. Они уже почти там, где мы должны их перехватить. Вот. – С этими словами принц обернулся к одному из своих гасконских капитанов, сэру Жану де Грейи, командовавшему небольшим резервом: – Сэр Жан, я хочу, чтобы вы взяли столько рыцарей, сколько сможете найти, – кажется, у вас их осталось человек шестьдесят, не так ли? Возьмите мой резерв, лучников и всех, кого отыщете, и обойдите справа вон тот маленький холм. Когда мы встретим французов в поле – видите, там, у сломанного дерева? – вы, как дьявол из преисподней, обрушитесь на их фланг. Создавайте как можно больше шума и держитесь изо всех сил. Поспешите, и да поможет вам Бог. Трубачи, будьте готовы трубить, когда я подам знак.

Он зорко оглядел ряды бойцов, своих уставших героев, которые воспрянули духом в предвкушении атаки – после того, как все утро провели в обороне. Теперь, когда они сели на коней, казалось, всю усталость как рукой сняло.

В напряженной тишине откуда-то донеслось негромкое пение, а со стороны «войска» лучников графа Варвика вдруг раздался взрыв хохота. Потом снова все стихло – за исключением песни и тупого, нарастающего грохота, – тяжеловооруженные французы размеренно двигались по полю.

Эдуард резко привстал на стременах. Звонящим высоким голосом, слышным вдоль всего строя, он крикнул:

– За святого Георгия, вперед! Развернуть знамена!

Вслед за командой запели трубы и загремели барабаны. Маленькая армия Эдуарда медленно, чтобы остаться незамеченной, двинулась вперед. Выехав в открытое поле и проезжая мимо мертвецов, она ускорила аллюр – сначала иноходью, а потом легким галопом. Когда до неприятеля оставалась какая-то сотня ярдов, флажки на концах копий начали медленно опускаться долу, всадники выставили вперед смертоносные острия. Рыцари пришпорили коней, галоп перешел в бешеный карьер – лошади неудержимо понеслись вперед. Люди кричали – слышались боевые кличи, ругательства и просто протяжный крик. С тяжким грохотом, услышанным жителями расположенного в семи милях Пуатье, всадники сошлись посреди поля. Многие англичане пали в этом первом натиске, но остальные глубоко вклинились в смешавшийся строй французов, тесня их и следуя за знаменем Англии, развевавшимся в первых рядах над битвой. Вскоре порыв был остановлен, и битва превратилась во множество ожесточенных схваток один на один. В центре своего отряда доблестно сражался французский король Иоанн Добрый, а рядом с ним, как пробующий зубы тигренка, дрался его малолетний сын Филипп. Французы стояли твердо, долго выдерживая натиск англичан. Но постепенно с тыла начали отходить по одному-два человека, не выдержав напора английской кавалерии. И тут на левом фланге французов